

Посёлок Ло ничуть не изменился с его прошлой жизни. Стоило Цзи Гуаньци переступить границу поселения, как перед глазами замелькали белые поминальные ленты, вывешенные едва ли не на каждом доме. Резкий порыв ветра качнул бумажные фонари у ворот — один из них, сорвавшись, уныло покатился по пыльной дороге. От всей этой картины веяло глухой, непереносимой тоской.

— Пахнет кровью, и очень сильно, — Сяо Танцин, осмотревшись, подошёл ближе. — Живых в посёлке не осталось. Похоже, бойня здесь произошла давно. Только вот убрались ли отсюда зачинщики?

— Если их тут нет, значит, они двинулись дальше, к соседним поселениям, или же... — Цзи Гуаньци осёкся и переглянулся с шиди.

Оба одновременно озвучили догадку:

—...в Город Весенних Вод.

В прошлой жизни эти отступники действительно долго рыскали по округе, пока Цзи Гуаньци во главе своего отряда наконец не загнал их в угол и не истребил. Если уж тогда он сумел с ними расправиться, то теперь, когда рядом были другие сильные заклинатели, эти еретики и подавно не могли наделать много шума.

Вот только вызвался идти в разведку он совсем по другой причине.

— Нужно проверить дома ещё раз. А вдруг кто-то уцелел? — Цзи Гуаньци сделал несколько шагов вперёд. — Разделимся. Ты осмотри левую сторону, я — правую. Встретимся здесь через два часа.

«От У Синбая я оторвался. Теперь главное — отделаться от Сяо Танцина. Двух часов вполне хватит, чтобы встать на меч, улететь как можно дальше, а там залечь на дно под чужим именем. Навряд ли У Синбай и остальные станут всерьёз прочёсывать земли ради моих поисков».

«А может, мой уход из ордена Сюаньтянь и вовсе облегчит всем жизнь».

План Цзи Гуаньци казался безупречным и легко выполнимым, однако Сяо Танцин совершенно не собирался ему содействовать. Он упорно пристраивался следом, вынуждая Цзи Гуаньци с раздражением обернуться:

— Второй шиди.

— Шисюн, здесь слишком много странностей. Нам не стоит разделяться, — Сяо Танцин вглядывался в лицо названного брата. Внешне тот оставался прежним, но юношу не покидало

ощущение, будто перед ним стоит совсем другой человек.

Раньше Сяо Танцина до зубовного скрежета раздражало вечное брюзжание шисюна, его навязчивая опека и бесконечные поучения. Но теперь он поймал себя на мысли, что уже очень давно не слышал от Цзи Гуаньци ни единого упрёка или наставления.

Столкнись они с тёмными практиками раньше, Цзи Гуаньци непременно завёл бы старую волынку: «Тьма никогда не одолеет свет, шиди. Путь совершенствования не терпит суеты и жажды скорой выгоды. Твой талант велик, и если ты проявишь терпение, то обязательно достигнешь вершин».

Сяо Танцин понимал, что всё это лишь пустые слова, но за ними крылось главное: шисюн безошибочно читал его тайные помыслы каждый раз, когда Сяо Танцин засматривался на запретные практики.

— Посёлок невелик, но если мы станем заглядывать в каждый угол вместе, то потеряем кучу времени, — отрезал Цзи Гуаньци, пресекая любые попытки навязаться в спутники. Голос его звучал твёрдо и убедительно. — Каждая минута промедления — это угроза для тех, кто ещё может быть жив.

Сяо Танцин замялся, собираясь возразить, но шисюн не дал ему вставить и слова:

— Сделай, как я говорю. Через два часа встречаемся тут, даже если никого не найдём.

Спорить дальше было бессмысленно, и Сяо Танцину пришлось уступить.

— Шисюн, а ведь раньше ты никогда не отпускал меня одного, — негромко произнёс Сяо Танцин, провожая его взглядом. — Всё боялся, что я поддамся соблазну и прельщусь какой-нибудь тёмной дрянью.

Цзи Гуаньци, уже собиравшийся свернуть на восток, на мгновение замер. Обернувшись, он ровным голосом ответил:

— Я могу приглядывать за тобой сегодня, но не смогу водить тебя за руку всю жизнь. Если человек твёрд в своих помыслах, ему не нужны сторожа. Если же внутри у него гниль, то никакая слежка не поможет. Ты не глуп, шиди, и прекрасно понимаешь, куда ведёт праведный путь, а куда — кривой. Я в тебя верю.

Бросив эти слова, он пошёл прочь, даже не дожидаясь ответа. Не прошло и минуты, как его силуэт растаял среди полуразрушенных деревенских построек.

«Веришь в меня?» — Сяо Танцин опустил взгляд на висевший на поясе Мешочек Цянькунь. Там, на самом дне, лежал свиток с описанием тёмных техник.

Действительно ли это вера... или же обыкновенное равнодушие? Сердце Сяо Танцина болезненно сжалось, пропустив удар. Он столько лет мечтал избавиться от навязчивого контроля шисюна, жаждал, чтобы тот перестал совать нос в его дела. Но теперь, когда его наконец оставили в покое, юноша внезапно ощутил странную, сосущую пустоту. Безразличие Цзи Гуаньци пугало его сильнее прежней опеки.

«Поздно, — прошептал Сяо Танцин, сжав пальцами ткань Мешочка Цянькунь. — На пути самосовершенствования важна лишь сила, а какими средствами она добыта — дело десятое. Тебе следовало следить за мной получше, шисюн».

Он сам удивился собственным мыслям — никогда прежде подобные откровения не слетали с его губ. Поспешно отогнав минутную слабость, Сяо Танцин развернулся и быстрым шагом направился на запад, стремясь поскорее скрыться с глаз. Нужно было отыскать хоть одного уцелевшего еретика, чтобы опробовать на нём новообретённое сокровище.

«Запретное писание... Позволяет забирать чужую силу и расти в ранге с невероятной скоростью. Только вот плата за такое могущество слишком высока: разум затуманивают демоны, искажение ци становится неизбежным, а сам заклинатель превращается в безумного палача, умывающегося кровью невинных».

Цзи Гуаньци неторопливо шёл по разбитой дороге, припоминая подробности о тёмном пути, который его шиди избрал в прошлой жизни. Впрочем, теперь это мало его заботило. Сяо Танцин волен сам вершить свою судьбу, а лезть к нему с непрошеным спасением Цзи Гуаньци больше не собирался. Разве мог он, решивший держаться от чужих дел в стороне, изменить то, что не удалось исправить даже в прошлой жизни, когда он бдел над каждым шагом юноши? Глупо надеяться, что пара дежурных фраз заставит упряма свернуть с намеченной дороги. Себя Цзи Гуаньци всемогущим спасителем не считал.

«У меня есть два часа...»

Цзи Гуаньци огляделся по сторонам. Убедившись, что долговязый силуэт шиди окончательно растаял вдали, он резко развернулся и почти бегом бросился в противоположную сторону. Однако стоило ему миновать окраину посёлка, как интуиция забила тревогу.

Округу стремительно заволакивал густой горный туман. Он напелзал белыми рваными клочьями, скрадывая очертания деревьев, и вскоре вокруг воцарилась непроглядная, глухая белизна. Цзи Гуаньци попытался призвать меч, чтобы взмыть в небо, но плотная дымка словно тисками сдавила его меридианы. Две робкие попытки направить духовные потоки закончились ничем — и без того ослабленная ци намертво застыла в теле.

«Что за чертовщина?» — Цзи Гуаньци нахмурился. В его прошлой жизни никакого тумана здесь не было.

Он поспешно выхватил верный клинок и, держа его наготове, осторожно двинулся вперёд. Время потеряло счёт в этом белом безмолвии. Спустя бесконечно долгие минуты блужданий Цзи Гуаньци внезапно замер как вкопанный, глядя на торчащий из земли уродливый древесный пенёк. Точно такой же обрубок дерева он миновал в самом начале своего пути.

Ловушка. Кто-то заиклился пространство, заставляя его плутать на одном и том же пятачке.

Вдруг сквозь ватную тишину донёсся приглушённый стон. Цзи Гуаньци хватило мгновения, чтобы узнать этот голос. Он уже собирался бесшумно скользнуть в сторону и уйти, но не успел: из пелены вылетела смазанная тень и на полном ходу врезалась прямо в него. От сильного удара Цзи Гуаньци покачнулся и едва удержался на ногах.

— Сяо Танцин! — Цзи Гуаньци невольно ухватил его за плечи, удерживая от падения.

Шици тяжело дышал, по его подбородку текла тонкая струйка крови. При виде этой картины Цзи Гуаньци нахмурился ещё сильнее — это зрелище пробуждало в памяти слишком знакомые образы.

— Что ты натворил? — в гневе процедил Цзи Гуаньци. — Что ты только что сделал, отвечай?!

Сяо Танцин не мог вымолвить ни слова. Ноги его подкосились, и он безвольно навалился на шисюна, судорожно глотая воздух.

— Как... больно... — прохрипел он.

Стоило Цзи Гуаньци направить каплю ци в его меридианы, как худшие опасения подтвердились: этот безумец всё-таки задействовал тёмный свиток. В своей прошлой жизни Сяо Танцин точно так же присвоил чужое наследие, слепо смешав несколько противоречивых техник. Расплата за глупость настигла его мгновенно: хаотичные потоки энергии едва не разорвали его плоть изнутри. И сейчас он пребывал в точно таком же состоянии.

Буйство чужой взбесившейся ци отзывалось в ладонях Цзи Гуаньци обжигающей болью. Воспоминание о том, сколько хлопот принёс ему этот упрямец, заставило его закипеть от злости. Он резко оборвал контакт и попытался оттолкнуть юношу:

— Сяо Танцин,пусти!

Тогда, давным-давно, он не пожалел половины собственных духовных сил, чтобы вытащить неблагодарного шици с того света. И какова же была награда? Сяо Танцин лишь одарил его презрительным взглядом и процедил сквозь зубы: «Займись своими делами, шисюн, и не смей стоять у меня на пути». Спасение жизни обернулось глупой обидой. Теперь с него довольно. Цзи Гуаньци больше не собирался метать бисер перед этим неблагодарным эгоистом.

Отброшенный в сторону Сяо Танцин тяжело повалился на землю, прислонившись спиной к шершавому стволу дерева. Его веки дрожали, а затуманенный взор блуждал в пространстве. В голове звенело, мысли путались, но сквозь пелену безумия он упрямо цеплялся за смутно знакомый силуэт. Звуки долетали до него как сквозь толщу воды. Прищурившись, он смотрел, как Цзи Гуаньци разворачивается, собираясь уйти.

— Это ты... — сорвался с окровавленных губ хриплый шёпот. — Не уходи... постой...

На мгновение Цзи Гуаньци замер, но жалость не шевельнулась в его сердце. Сделав шаг вперёд, он наотмашь рубанул воздухом. Меч Благородного Мужа со свистом рассёк туманную взвесь; яростная волна духовной силы с грохотом разорвала закольцованное пространство, клочьями развеяв наведённый морок.

Вложив клинок в ножны, он бросил мимолётный холодный взгляд на обмякшее тело у дерева. Сяо Танцин был без сознания — то ли от истощения меридианов, то ли от сокрушительного отката собственной заблокированной ци.

— Прощай, — тихо обронил Цзи Гуаньци.

Не теряя больше ни секунды, он призвал меч и взмыл в небо. Проклятый шиди отнял слишком много драгоценного времени. Наверняка У Синбай и остальные уже приближались к посёлку Ло, и каждая секунда промедления грозила нежеланной встречей. А если великий старейшина настигнет его здесь, о свободе можно будет забыть навсегда.

Теряя остатки сознания, Сяо Танцин силился удержать в памяти удаляющийся силуэт. Он казался до боли знакомым. Точно такой же широкий разворот плеч он видел три месяца назад, когда кто-то на собственной спине тащил его, израненного и полумёртвого, из глубин запретного заброшенного измерения.

— Кто же ты... — сорвался с его губ последний вздох перед тем, как тьма окончательно поглотила его разум.

Очнулся Сяо Танцин от нестройного гула голосов. Кто-то у его изголовья радостно воскликнул, и вокруг зашевелились тени. Едва разомкнув веки, он натолкнулся на встревоженный взгляд Си Яо.

— Второй шисюн, слава небесам, ты пришёл в себя! — воскликнул тот.

— Что... со мной? — Сяо Танцин с трудом приподнялся на локте, пытаясь собрать осколки воспоминаний. Он лежал на гнилой соломе посреди полуразрушенного языческого святилища. Деревянные стены подмыли дожди, крыша зияла дырами, и лишь старое каменное изваяние в

углу сияло первозданной чистотой. — Где мы?

— Си Яо нашёл тебя без чувств у старой ракиты и приволок сюда, — лениво отозвался Цяо Ю, приближаясь и скрестив руки на груди. — Подумать только, обычный захолустный посёлок Ло! Как тебя умудрились довести до искажения ци? Ты едва душу не испустил.

— Учитель... он тоже здесь? — Сяо Танцин окончательно принял сидячее положение, спешно оправдываясь. — На меня напали приспешники демонического ордена. Я допустил оплошность и пропустил подлый удар.

— Ну ещё бы, — фыркнул Цяо Ю со свойственным ему высокомерием. Сам он обладал завидной силой и искренне презирал любых мелких вредителей. — Будь иначе, эти твари разбежались бы при одном нашем приближении.

— Почтенный патриарх и старший шисюн сейчас снаружи, — мягко вмешался Си Яо. — Нам крупно повезло. Когда мы вошли в долину, здесь поднялся жуткий туман. Мы не успели даже сообразить, что делать, как вдруг вдаль вспыхнул Меч Благородного Мужа.

— Меч Благородного Мужа? — Сяо Танцин вздрогнул. Перед глазами вновь возник ускользающий силуэт. — Где именно вы его заметили?

— У самой окраины, с противоположной стороны от того места, где лежал ты, — охотно пояснил Си Яо. — Странная это была магия, но, к счастью, её развеяли. Впрочем, теперь, когда учитель и шисюны рядом, нам ничего не грозит.

— Да что этот жалкий блеск Меча Благородного Мужа! — расхохотался Цяо Ю, так и пыша восторгом. — Вот видел бы ты Расписную алебарду, уравнивающую небеса, нашего почтенного учителя! Одно её прикосновение способно воздвигнуть Черту-Тюрьму, расколоть небеса и обратить в прах саму душу провинившегося заклинателя, навеки закрыв ему путь к перерождению.

Юноша обожал похвастаться чужим могуществом, ведь единственным человеком в поднебесной, перед кем он искренне преклонял колени, был их великий наставник. Однако стоило последнему слову слететь с его губ, как горло точно сковало льдом. Поняв, что на него вновь наложили заклятие безмолвия, Цяо Ю удивлённо уставился на дверной проём.

В полумрак храма неспешно вошёл Бессмертный почтенный Чжэньнань. Одарив хвастуна ледяным взглядом, он сухо бросил:

— Шумно.

Тенью за его спиной следовал Цзи Гуаньци. Рука его привычно покоилась на эфесе меча, а лицо оставалось безучастным, словно хвастливые речи соученика его ни капли не задевали. По

заведённой привычке он держался скромно и не поднимал взгляда на Бессмертного почтенного Чжэньняня, а потому не заметил, как в глубине глаз наставника на миг промелькнула острая, щемящая тоска.

На душе у Цзи Гуаньци скребли кошки. Он мысленно проклинал собственное невезение: старейшины должны были прибыть лишь к исходу дня, но каким-то образом умудрились сократить путь вдвое и перехватить его прямо у околицы.

Раздосадованный до предела, он выдавил из себя вежливую улыбку и поклонился:

— Учитель прибыл как нельзя вовремя. Похоже, второй шиди серьёзно ранен.

<http://bllate.org/book/20080/1994997>